

Наталья Сергеевна Громова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, n.s.gromova@usue.ru, SPIN-код: 2332-0468, <https://orcid.org/0000-0003-3667-1116>

Лингвополитический анализ термина «гибридная война»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы определения границ дефиниции термина «гибридная война», имеющего широкое распространение в современной политической коммуникации, но обладающего диффузным значением. Предметом исследования выступает специфика бытования термина «гибридная война» в политическом дискурсе. Цель работы — изучить содержание термина «гибридная война» в контексте актуального общенаучных методов теоретического и эмпирического познания, включающих анализ, синтез, абстрагирование, эксперимент и др. Для достижения поставленной цели также были использованы следующие специальные методы: гипотетико-дедуктивный в сочетании с методом выборки и классификационным методом, что дает возможность в рамках исследования после сбора материала выбрать группу объектов, удовлетворяющую исследовательским задачам, построить гипотезу и проверить ее истинность на полученных данных на основе классификации характеристик анализируемых объектов; сопоставительный, позволяющий описать сходства и различия специфики бытования термина в различных дискурсах; структурно-семантического анализа, позволяющего выявить связи между лексическими единицами и установить смысловые отношения между ними.

Таким образом, в результате исследования была установлена заданность оценочной маркированности термина с учетом сферы его использования в рамках политического дискурса, выявлены основные семантические компоненты, которые выделяются в структуре термина в общественно-политической сфере, определена специфика его социального бытования.

Полученные в ходе работы результаты могут быть полезны для проведения исследований в сфере изучения политического дискурса с учетом его изменчивости в рамках формы (соцсети — газеты). Выявленные особенности социально-идеологической маркированности термина могут быть полезны представителям СМИ при практической работе по составлению и правке текстов в рамках работы с полем коннотаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридная война, информационная война, политические термины, политические конфликты, политический дискурс, политическая коммуникация, журналистика, медиалингвистика, медиатексты, медиадискурс, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора института государственного, муниципального управления и права, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45; email: n.s.gromova@usue.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Громова, Н. С. Лингвополитический анализ термина «гибридная война» / Н. С. Громова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 68-76.

Natal'ya S. Gromova

Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia, n.s.gromova@usue.ru, SPIN: 2332-0468, <https://orcid.org/0000-0003-3667-1116>

A Linguo-Political Analysis of the Term “Hybrid War”

ABSTRACT. The article discusses the issues of delimitation of the definition of the term “hybrid war”, which is widespread in modern political communication, but has a diffuse meaning. The object of the study includes the specificity of the existence of the term “hybrid war” in political discourse. The aim of the work is to study the content of the term “hybrid war” in the context of current political discourse and its connotations in different communicative fields. The research is based on general scientific methods of theoretical and empirical knowledge, including analysis, synthesis, abstraction, experiment, etc. To achieve this goal, the following special methods were also used: the hypothetico-deductive method accompanied by sampling and the classification method, which makes it possible, within the framework of the study, after collecting the material, to select a group of objects that satisfies the research objectives and build a hypothesis and test its truth on the data obtained on the basis of classification of the characteristics of the objects under analysis; the comparative method, which allows describing the similarities and differences of the term in various discourses; the structural-semantic analysis, which allows identifying connections between lexical units and establish semantic relationships between them.

Thus, as a result of the study, the author has found that the term under consideration possesses predetermined evaluative marking depending on the scope of its use in political discourse, has identified the main semantic components that stand out in the structure of the term in the socio-political sphere, and has revealed its social specificity.

The results obtained in the course of the study can be useful for conducting research in the field of political discourse analysis, taking into account its variability within the framework of the form (social networks — newspapers). The identified specific features of the socio-ideological marking of the term can be useful to media specialists in practical work on writing and editing texts within the framework of working with the field of connotations.

KEYWORDS: *hybrid war, information warfare, political terms, political conflicts, political discourse, political communication, journalism, media linguistics, media texts, media discourse, mass media, mass media language, language means.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gromova Natal'ya Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of State, Municipal Administration and Law, Associate Professor of Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Gromova N. S. (2023). A Linguo-Political Analysis of the Term "Hybrid War". In Political Linguistics. No 6 (102), pp. 68-76. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития государственно-правовых отношений, с ростом экономических показателей развития стран и повышением уровня гражданской ответственности лиц конфликты, казалось бы, должны значительно сократиться, а возможно, и исчезнуть совсем, однако они остаются неизменной составляющей политического взаимодействия. С каждым годом соперничество между государствами и борьба за различного рода ресурсы не только не прекращается, но и возрастает, приобретая все новые и новые формы.

Война в традиционном ее понимании приводит к гуманитарным и экологическим катастрофам, к значительному сокращению имеющихся ресурсов у участников, что приводит к все более редкому применению прямого вооруженного противостояния субъектов как способа решения конфликта. Стратегия противостояния больше смещается в сторону скрытого противодействия в аспекте нанесения максимального вреда противнику с минимальным собственным участием. Такой тип противостояния предполагает ориентацию на подчинение противников не путем преодоления их сопротивления, а в условиях его отсутствия. Для этого используется целый спектр различных средств от экономического, политико-правового и информационного воздействия до привлечения негосударственных игроков, диверсий, терактов и пр. В связи с тем, что необходим комплексный результат воздействия и применяется интегрированный характер воздействия на противника при помощи средств различного уровня, такой конфликт получил название гибридного.

Общепринятого определения гибридной войны в современной науке и правовом поле пока не сложилось, однако термин является распространенным в различных дискурсах и встречается в совершенно различных контекстах. Также стоит отметить, что в разных контекстах термин приобретает новые оттенки значения и во многом трансформируется с учетом политического вектора коммуникации. В рамках данного исследования рассматриваются существующие подходы в

отношении трактовки термина «гибридная война» в пространстве массовой коммуникации, был проведен анализ его формальных и содержательных характеристик с учетом бытования в политическом дискурсе, а также уделялось отдельное внимание сложившемуся общественному мнению по данному вопросу.

Предметом исследования выступает специфика бытования термина «гибридная война» в политическом дискурсе. Цель работы — изучить содержание термина «гибридная война» в контексте актуального политического дискурса и его коннотации при смене коммуникативного поля.

Исследование базируется на основе общенаучных методов теоретического и эмпирического познания, включающих анализ, синтез, абстрагирование, эксперимент и др. Для достижения поставленной цели также были использованы следующие специальные методы: гипотетико-дедуктивный в сочетании с методом выборки и классификационным методом, что дает возможность в рамках исследования после сбора материала выбрать группу объектов, удовлетворяющую исследовательским задачам, построить гипотезу и проверить ее истинность на полученных данных на основе классификации характеристик анализируемых объектов; сопоставительный, позволяющий описать сходства и различия специфики бытования термина в различных дискурсах; структурно-семантического анализа, позволяющего выявить связи между лексическими единицами и установить смысловые отношения между ними. Отдельное значение для достижения поставленной цели имеет эмпирический аспект исследования, основанный на проведении опроса студентов в отношении характеристик термина.

Структура работы отвечает реализуемым исследовательским задачам: изначально рассматривается статус словосочетания как термина, затем его объективно определяемая семантика и субъективные особенности восприятия с учетом смены коммуникативного окружения. В заключении делаются выводы о влиянии политического дискурса на фокус восприятия смысла словосочетания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С целью комплексного анализа рассматриваемого понятия сначала обратимся к вопросу о терминологическом характере сочетания «гибридная война». Вопрос является весьма дискуссионным, если исследовать словосочетание «гибридная война» с позиции классического представления о терминах, которые должны обладать определенными свойствами и признаками. Так, С. В. Гринев-Гриневиц определил термин как такую «номинативную специальную лексическую единицу», которая принадлежит к специальной области знания, характеризуется дефинированностью, точностью значения, контекстуальной независимостью и пр. [Гринев-Гриневиц 2008: 30]. В этом аспекте признать «гибридную войну» терминологической единицей достаточно сложно: четкого значения не имеет, может менять свой объем с учетом контекста, является стилистически окрашенной, воспроизводится в речи в различных вариантах при сохранении семантической доминанты.

При этом стоит обратить внимание на тот факт, что ряд признаков, характерных терминам, все же мы можем выделить. Во-первых, словосочетание обладает номинативностью, т. е. называет действие, характеризующееся конкретными признаками. Денотатом в данном случае выступает понятие, относящееся к сфере специальных знаний. Во-вторых, с формальной стороны можно говорить о соответствии всем нормам языка и, в частности, стилистической отнесенности к официально-деловому стилю; краткости и емкости номинации. В-третьих, с содержательной точки зрения словосочетание характеризуется непротиворечивостью семантики компонентов термина. Определенная инвариантность присутствует как факультативный признак при бытовании в научном дискурсе с учетом отраслевой специфики применения термина.

Очевидно, более справедливо было бы говорить о «гибридной войне» как о квазитермине, поскольку словосочетание представляет собой такую номинативную единицу, которая обозначает понятия с неустойчивым содержанием, что затрудняет его отнесение к терминосистеме. При этом рассмотренные особенности во многом связаны с тем, что с историко-лексикологической точки зрения изучаемое сочетание относится к терминам-неологизмам [Литовченко 2006: 13], рождение которых обусловлено появлением новых явлений, пока еще не имеющих четких признаков и классификаций, что называется и на содержании термина. Размытое понимание о сущностных характери-

ках «гибридной войны» как явления приводит к нечеткости его дефиниции как термина. Данную ситуацию можно рассматривать как закономерную, поэтому при оценке термина стоит учитывать частотность его использования, распространенность и другие факторы, чтобы признать его термином, а не только набор признаков, которыми должна обладать лексема вне зависимости от момента ее появления.

Традиционно считается, что термин «гибридная война» начинает появляться в коммуникативном пространстве с 2001 г. в англоязычных публикациях в контексте объявления США «глобальной войны с терроризмом» [Комлева 2017: 128]. Так, можем заметить, что термин имеет публицистический, а не юридический или научный — нормативный характер. Он как раз направлен на демонстрацию отношения автора к содержанию повествования, что в дальнейшем заимствуется вместе с термином в иные коммуникативные сферы. В России термин начинает активно распространяться с 2014 г. в контексте политической риторики [Романова 2015: 293], постепенно распространяя политическую маркированность и на смежные тематические группы.

С точки зрения частоты встречаемости в текстах можно говорить о том, что это достаточно высокочастотный термин с учетом ограниченности его профессионального применения. Проблематика войны в целом, а изучение ее разновидностей в частности не могут быть отнесены к научным направлениям широкого круга исследований, однако термин распространился далеко за пределы узкоспециальных единиц, известных избранному профессиональному сообществу. Отметим, что, по данным экспертного совета «Слова года» в России, «гибридная война» претендовала на победу в 2016 г. в номинации «Выражение года» и уступила победителю («Очередь на Серова/Айвазовского») только один балл. Это указывает на общественный интерес к термину и его активное включение в непрофессиональное общение.

Отметим, что по результатам опроса студентов Уральского государственного экономического университета только около 20 % респондентов ранее не встречали этот термин, остальные отметили, что он им знаком. При этом 47 % опрошенных уверенно относят данный термин к сфере политической коммуникации, 40 % — к научной.

Необходимо отметить, что само появление в коммуникативном акте изучаемого термина воспринимается участниками коммуникации как специализированная едини-

ца. Именно поэтому, как можем предположить, в отдельных текстовых фрагментах СМИ прослеживается тенденция не только включить термин в речь, но и пояснить его хотя бы частично в контексте текущего повествования. Эта тенденция во многом привела к тому, что помимо научно-политической интерпретации появилась и бытовая, не всегда совпадающая с основным содержанием термина и имеющая больше иллюстративный характер, нежели дефиниционный.

Заметим и еще одну тенденцию последних десятилетий, о которой пишет К. Л. Сазонова: политологические термины начинают оказывать влияние на парадигму действующего международного права и строгое размежевание терминов на «политологические» и «международно-правовые» уходит в прошлое [Сазонова 2017: 179]. Данные изменения сказываются на попытке стандартизации смысловых доминант и приведении к единой интерпретации ранее разнонаправленных толкований. Так, становится возможным выделить достаточно устойчивое смысловое ядро термина.

С учетом явной принадлежности рассматриваемой единицы к специальному языку и восприятию ее в общественном сознании таковой будем рассматривать словосочетание «гибридная война» как термин.

Изучаемый термин на основе морфолого-синтаксической структуры является в соответствии с классификацией Б. Н. Головина термином-словосочетанием [Головин 1987: 70]. Данный термин включает два компонента, которые в современной научной парадигме не являются устойчивыми, т. е. могут факультативно заменяться при сохранении общей смысловой и тематической связи с исходным понятием.

Главным словом и родовым компонентом выступает лексема «война», имеющая статус терминоэлемента, как обладающего значением самостоятельным и определяющим семантику словосочетания в целом. В связи с этим по морфологическому типу главного слова данный термин можно охарактеризовать как субстантивное словосочетание. Данный элемент относится к консубстанциональным терминам, поскольку слово является многозначным и встречается как в обыденной, так и в профессиональной речи. В рамках анализа смысла термина лексема «война» имеет большое значение, поскольку значение сути конфликта, о котором идет речь, всегда предполагает сочетание вооруженного конфликта и иных способов воздействия на противника. В связи с этим можно отметить, что война как «вооруженная борьба между государствами, народами, пле-

нами и т. п. или общественными классами внутри государства» [Кузнецов 2004] будет определяющим компонентом при конструировании смыслового поля термина.

Иные термины, которые часто используются как синонимичные или тематически связанные с рассматриваемым, имеют преимущественно один ключевой квалифицирующий признак, позволяющий четко разграничить понятия. Так, если речь идет о «прокси-войне», то на основе анализа работ исследователей можем выявить следующее отличие: «прокси-война» относится преимущественно к категории военных конфликтов, «гибридная война» предполагает широкий спектр различных форм и способов противодействия, к которым обращаются стороны, что и формирует многоплановость противостояния участников конфликта на разных ступенях взаимодействия: информационном, экономическом, психологическом и др. При «информационной войне» противостояние сторон идет посредством распространения специально подготовленной информации как одного из способов, но не всего комплекса средств, о которых речь шла выше при характеристике «гибридной войны». В рамках данной диады можно говорить о родо-видовой связи на основании соотношения объема понятий. Применительно к «асимметричной войне» можно выделить в качестве базового маркирующего компонента наличие дисбаланса в силах противников, что и становится причиной использования различных нетрадиционных средств противостояния. Применительно к «гибридной войне» средства выступают не как следствие, а как основной маркирующий компонент, положенный в основу выделения данного вида противостояния.

С сохранением первого компонента преимущественно представлены следующие словосочетания: «гибридная война», «гибридное противостояние», «гибридный конфликт», «гибридная угроза». В научной и общественно-правовой литературе они могут выступать как синонимичные, инклюзивные или несвязанные. В данном случае стоит отметить, что «угроза», «конфликт», «противостояние» не содержат в своей семантике обязательного компонента «вооруженной борьбы», что выступает, наряду с другими, обязательным компонентом в термине «гибридная война». В связи с этим с учетом поставленных исследовательских задач в данной работе мы не рассматриваем перечисленные словосочетания как синонимические.

К обязательным структурным компонентам содержания термина «гибридная война»

по результатам теоретических исследований [Иващенко 2021; Комлева 2017; Конышев 2019; Кривко 2019; Николайчук 2016; Першин 2015; Стародубцева 2022; Черепанов 2022 и др.] относятся следующие:

- указание на субъект — инициатора негативных действий в отношении объекта;
- указание на объект — сторону, подвергающуюся воздействию;
- характеристика действий, которые совершает субъект в отношении объекта.

Данные три семантические компонента выступают обязательными, однако с учетом контекста могут быть выражены эксплицитно или имплицитно, что имеет принципиальное значение в рамках политического вектора сообщаемой информации. Термин «гибридная война» имеет собственную формальную и содержательную определенность, которая так или иначе прослеживается в фундаментальных исследованиях. Однако нельзя не заметить, что такая определенность нарушается при включении словосочетания в массовое коммуникативное пространство.

Так, преимущественно эксплицитно идет упоминание в тексте либо о субъекте, либо об объекте, т. е. принципиально значимым для политической коммуникации становится расставить акценты, выразить поддержку или порицание в отношении совершаемых действий, а не перечислить всех участников конфликта. Акцент при подаче информации смещается всегда в политическом дискурсе в одну из сторон — термин не рассматривается как нейтральный, он имеет оценочный характер.

На основе анализа данных Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>) отметим следующие важные моменты в аспекте употребления термина. Термин «гибридная война» встречается преимущественно в корпусах социальных сетей и газетных, что указывает на его распространенность в общественно-политическом пространстве. При этом в корпусе социальных сетей частотность включения в речь невысокая — 10 выявленных контекстов — с наибольшей активностью после 2014 г. Можно отметить, что большая часть включений имеет политический характер и связана с современной международной ситуацией, а не с обсуждением теории или истории вопроса. Пояснительные контексты отсутствуют практически полностью, т. е. термин рассматривается как оценочно маркированный и знакомый участникам коммуникации, не нуждающийся в пояснении. Отметим, что использование словосочетания преимущественно характеризует направленность действий России в отношении иных государств

(Украины, Грузии) — 50 % контекстов, а не наоборот — только 20 %. Также прослеживается определенная политическая маркированность: его использование пользователями социальных сетей рассматривается как принадлежность автора к либеральным взглядам («но палевочки типа „в Украине“, „раш-ка“, „гибридная война“ у него отсутствуют»). Это очень важный аспект, который указывает на связанность факта использования словосочетания в речи адресанта с речевой целью. Так, можно предположить, что появление в социальной сети данного словосочетания позволяет выявить единомышленников среди участников коммуникации, что может быть затруднительно с учетом удаленного характера общения и отсутствия предварительного опыта общения между участниками.

В двух контекстах представлена смысловая связь с иными терминами — «информационная война» и «обычная война». При этом авторы рассматривают информационную войну как компонент гибридной («сейчас в мировом масштабе произошел аналогичный прогресс, информационная (в чистом виде или гибридная) война стала эффективнее обычной»), «это явно информационная гибридная война»). Так, в диаде «гибридная» — «информационная» прослеживается родо-видовая связь. В диаде «гибридная» — «обычная» представлено смысловое противопоставление, которое поддерживается антитезой, выраженной при помощи включения сравнительной степени прилагательного («информационная (в чистом виде или гибридная) война стала эффективнее обычной»), указывающее на большую результативность первой по сравнению со второй. При этом можно явно отметить превалирование исключительно одного компонента в смысловом ядре термина «гибридная война» (информационная война), другие семантические составляющие в рассмотренных контекстах не упоминаются авторами.

Интерпретационные комментарии в основном отсутствуют, только в одном примере появляется частичный комментарий авторского понимания термина с конкретизацией семантики: «гибридная война ведется и на дипломатическом, и на информационном, и на других фронтах». Так, с учетом рассмотренного контекста можно отметить, что «гибридная война» имеет многоплановый характер, т. е. противостояние сторон ведется средствами информационного, дипломатического воздействия и некими иными способами, не указанными в тексте, но подразумеваемыми автором, поскольку лек-

сическая единица включает открытый перечень характеристик, расширение которого предусмотрено.

Важно подчеркнуть, что в политическом дискурсе социальных сетей термин получает маркированность, т. е. выделяет носителей либеральных ценностей, выступающих преимущественно против текущей позиции России. Так, включение термина в речь указывает на принадлежность автора к определенной группе, выделяемой на основе имеющейся политической позиции.

Иная ситуация представлена в газетном корпусе: отмечено 103 текста в центральных СМИ с большим количеством вхождений в период с 2014 по 2016 г. Почти половина контекстов приходится именно на эти три года, что, предположительно, мотивировано изменившейся политической ситуацией и интересом общественности к этой теме. Понижение частотности может быть связано с тем, что термин так и не получил достаточно четкого определения за это время, сохранил семантическую аморфность и окказиональность, а также приобрел определенную политическую и стилистическую маркированность в коммуникативном пространстве. Это привело к тому, что словосочетание стало в меньшей мере использоваться официальными СМИ с целью сокращения неопределенности смысла и минимизации оценочности повествования в контексте освещения политических событий.

В проанализированных контекстах можем отметить определенные тенденции использования термина и трансформации его семантики.

Преимущественно рассматриваемые тексты относятся к политической тематике. Только один пример не имеет политической привязки. Интересен тот факт, что термин при этом используется не в контексте обсуждения политической ситуации противостояния государств, а при комментарии действий в отношении отдельного лица (*«В итоге против Толстых была организована кампания, своего рода гибридная война — финансовая, политическая, медийная»*). Это явно расширяет значение термина и его применение в сфере конфликтологии в целом, а не только политической ее отрасли. Однако такой пример является единичным, выступает скорее окказиональным и не может указывать на тенденцию расширения значения термина в современной коммуникации.

Использование термина в большинстве рассмотренных примеров не сопряжено с его комментарием, авторы включают словосочетание как элемент социальной реальности, известный адресату. Дефиниционные

включения не являются распространенными и либо носят иллюстративный характер, т. е. авторы приводят примеры конкретных действий, относимых, по их мнению, к проявлению гибридных войн (*«от попыток дестабилизации внутри страны и создания напряженности вблизи границ России до мелких провокаций, как история с Навальным»*, *«Это было не что иное, как гибридная война, когда на фоне достаточно серьезной эпидемиологической ситуации шла массивная, спланированная, многокомпонентная информационная террористическая атака»*), либо ссылаются на общие характеристики целей, форм противодействия сторон, используемых средствах, возможных последствиях и пр. (*«любая гибридная война ставит целью „расчеловечивание противника“»*, *«гибридная война, которая состоит из небольшого масштаба пакостей, гадостей и провокаций»*, *«гибридная война и ее продолжение: пропаганда, фейковые новости — просачиваются в отношения, менталитет, в глаза и уши»*, *«гибридная война включает в себя разрушение основ традиционной культуры, семейных ценностей, своеобразно трактует права человека»*, *«война, которой нет»*). Обратим внимание, что во втором случае преимущественно встречаются абстрактные характеристики, не детализирующие значение и не конкретизирующие авторское его понимание в рамках отдельного контекста. Так, семантические блоки *«расчеловечивание противника»*, *«масштаба пакостей, гадостей и провокаций»*, *«своеобразно трактует права человека»* и пр. не включают конкретных однозначных компонентов. Следовательно, рассматривать подобные комментарии как дефиниционные единицы не представляется возможным, толкование в основном осуществляется при помощи перечислительного и описательного способов.

Можно встретить несколько контекстов, включающих определение: *«Гибридная война — вид войны, при которой нападающая сторона не прибегает к вторжению, а подавляет противника с помощью скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также поддерживает повстанцев, действующих на территории врага»*, *«идет так называемая „гибридная война“: не объявляя военных действий, обе страны поддерживают различные военизированные группировки, ведущие боевые действия в различных странах региона»*, *«гибридная война — это сочетание вооруженного конфликта с применением террористических методов и методов информационной войны»*, *«гибридная война представляет собой сочета-*

ние обычного вооруженного конфликта с применением террористических методов (например, самодельных взрывных устройств) и методов информационной войны (например, кибератак)», «термин „гибридная война“, то есть боевые действия как с помощью традиционного оружия, так и с помощью оружия информационного», «гибридная война — это любой реальный или предполагаемый акт недружелюбия, совершенный в отношении государства, с которым говорящий себя ассоциирует», «Гибридная война — это тотальная война; она охватывает мирное население и армию, стирает грань между терроризмом, преступной деятельностью, политической активностью, дезинформацией, кибератаками и обычной войной». Данные контексты преимущественно относятся к большим по объему текстам, где автор может позволить себе привести комментарий.

Отдельно стоит выделить использование интегрированных терминов, в которых компонент «гибридный» выступает как один из элементов словосочетания, дополняемый конкретизирующей видовой лексемой. Например, «информационно-гибридная война» («Для этого Западом во главе с США против России развязана информационно-гибридная война»), «идеологическая гибридная война» («идет идеологическая гибридная война, главной целью которой является забвение истории»), «сетевая гибридная война» («Понятно, что против России ведется многомерная сетевая гибридная война, и давление на спортивном фланге становится лишь одним из ее измерений»).

Таким образом, термин включает характеристику ряда компонентов гибридной войны: политика, идеология, экономика, культура, информация, право, психология, спорт, здравоохранение. При этом первая часть представляется наиболее частотной, а завершающая — единичными вариантами включения в авторское повествование. Отметим, что термин при это не получает такой идеологической привязки к взглядам автора, как в социальных сетях. Скорее, наоборот — рассматриваемые контексты устойчиво содержат формулировку, отражающую направленность гибридной войны против России: «России объявлена гибридная война в политике, экономике, сейчас был нанесен удар по имиджу РФ в спорте», «гибридная война против России набирает обороты», «эта война против России и русского Крыма шла полным ходом» и др.

Иная ситуация прослеживается в цитируемых текстах, на которые ссылаются СМИ

при освещении актуальной политической ситуации: «„Гибридная война, начатая Россией, превращается в мировую гибридную войну“, — сказал Порошенко», «Из уст представителей официального Киева часто можно услышать выражение „гибридная война“, подразумевающее некие враждебные действия Москвы против Украины», «В Киеве завели дело о развязывании Россией гибридной войны против Украины», «По его словам, Украина три года живет в военных условиях, важной частью которых является гибридная война со стороны России». В рамках подобных контекстов автор информационного сообщения не солидаризируется с автором высказывания и всегда указывает четкую привязку к политической позиции говорящих.

Степень актуализации использования термина в СМИ во многом связана в таких контекстах с одной цитатой какого-либо лица, которая пересказывается, комментируется, опровергается и т. д. Можем отметить, что в связи с высказыванием Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко о том, что «против его страны ведется „гибридная война“», появляется более 10 вхождений, перефразирующих это сообщение. Это свидетельствует во многом о предзаданном характере подачи информации по этой теме.

В связи с тем, что в современной политической ситуации базовый идеологический концепт «свой/чужой» приобретает дополнительное семантическое наполнение, выраженное противопоставлением «Россия / другие страны» [Карамова 2023], в рассматриваемых контекстах актуализируется этот компонент и формирует необходимость поляризации позиции автора текста «за/против». Следовательно, включение в текст термина «гибридная война» предполагает отсылку адресата к существованию идеологического конфликта с указанием позиции автора без ее артикуляции в тексте: сочетание «гибридная война» с наименованием страны-агрессора предполагает выражение полуса оценки событий.

В рамках дискуссионного общения термин также приобретает не всегда четкие границы, что отражено в устном корпусе. В частности, в процессе дебатов на канале «Россия-1» 23.08.2016 года О. Л. Митволь дает авторское определение термину: «гибридная война — это война, которая не имеет взрывов, в которой мы не видим танков, но часть государств, недовольных тем, как Россия ведет свою внешнюю политику, начинает, что называется, ставить палки в колеса». В данном случае автор также иллюстрирует только компонент

общепринятого значения, указывающего на противопоставление обычным средствам ведения войны, не конкретизируя сами действия и используя идиоматическое выражение «*ставить палки в колеса*». Стоит отметить, что в рассматриваемых контекстах авторские определения очень часто сопровождаются образными номинациями, эмоциональными характеристиками и пр., т. е. компонентами, явно не свойственными сфере терминологии. Причиной может выступать как желание сделать термин более доступным широкому кругу лиц, так и банальная проблема с четким выражением его содержания, поскольку эмоционально-образные компоненты не включают конкретики.

Можно отметить, что при рассматриваемой организации текста актуализируется компонент, имеющий иллюстративно-описательную характеристику: «...*не имеет взрывов... мы не видим танков*». В тексте подчеркивается противопоставление рассматриваемого феномена уже известным адресату, чтобы подчеркнуть уникальность характеристик первого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «гибридная война» достаточно широко распространен в современной политической коммуникации, он представлен официальным и альтернативным пониманием роли сторон в конфликте. Первый вариант содержания представлен преимущественно в СМИ традиционного характера, второй — в социальных сетях. При этом газетные тексты репрезентуют официальную позицию как через ее артикулирование, так и через отрицание иных точек зрения. Диффузный характер значения, так и не сложившегося в рамках формирования нормативного понимания, позволяет лицам, его использующим, формулировать собственную интерпретацию, отличающуюся образностью, эмоциональностью, а следовательно, неоднозначностью. Большая часть проанализированных контекстов, включающих словосочетание, подтверждает тот факт, что оно нуждается в дополнительном пояснении для широкого круга лиц.

Политическая коммуникация, особенно в СМИ, отличается фрагментарностью, т. е. не включает полноценного описания всей ситуации тех или иных событий, что приводит к фрагментированию значения, отдельные компоненты которого актуализируются в связи с тематикой информационного сообщения. Таким образом, термин в политическом дискурсе приобретает неустойчивое, аморфное значение, во многом определяющееся как контекстом, так и позицией авто-

ра. Смена речевого окружения приводит к смене содержания высказывания: особенно наглядно можно проследить изменение вектора на примере характеристики субъекта влияния при помощи средств и методов гибридного воздействия. В рамках внутрисообщественного контекста сообщения используются сочетания со значением гибридного воздействия на Россию, в рамках международного — актуализируется значение гибридного воздействия со стороны России. Так, при использовании словосочетания «гибридная война» в речи российских политиков наше государство выступает объектом воздействия, в речи зарубежных политиков и лиц, разделяющих их взгляды — наше государство выступает субъектом агрессивного воздействия. Как было отмечено ранее, включение данного словосочетания в речь позволяет адресанту не только рассказать о факте, событии и т. п., но и дать ему политическую оценку: смена места подачи информации с официального канала на неофициальное общение в социальной сети может диаметрально изменить смысл сообщения с пророссийского на антироссийский.

В связи с этим можно утверждать, что значение термина «гибридная война», включающего обязательное упоминание о противостоянии различных субъектов, один из которых агрессор, в политическом дискурсе меняется со сменой источника распространения информации. Смена коммуникативного поля может привести к появлению коннотаций, влияющих на интерпретацию смысла информационного сообщения в целом. Таким образом, предзаданность оценочной маркированности термина формируется даже не лексическим окружением, а спецификой средства массовой информации.

Следовательно, можем резюмировать, что использование термина «гибридная война», достаточно широко распространенного в массовом сознании, но не имеющего четкого значения, актуализируется преимущественно в связи с политическими событиями, которым дается государственная или международная оценка. Сам термин, так как в тексте сочетается с указанием на субъект или объект агрессивных действий, выступает в качестве маркера оценки автором повествования описываемой ситуации. Без дополнительного комментария со стороны адресанта в политическом дискурсе термин приобретает социумно-идеологическую маркированность и становится средством выражения отношения к предмету речи. В политической коммуникации термин «гибридная война» характеризуется изменчивостью содержания с учетом специфики средства мас-

совой информации (соцсети — газеты), формирующей предзаданное поле коннотаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — Москва : Высшая школа, 1987. — 105 с. — Текст : непосредственный.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — Текст : непосредственный.
3. Ивашенко, М. А. К вопросу о понятии и признаках гибридной войны / М. А. Ивашенко. — Текст : непосредственный // Российский следователь. — 2021. — № 12. — С. 39–41.
4. Карамова, А. А. Средства репрезентации базового политического концепта «свой/чужой» (на материале обращений В. В. Путина в связи со специальной военной операцией) / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2023. — № 2 (113). — С. 75–85.
5. Комлева, Н. А. Гибридная война: сущность и специфика / Н. А. Комлева. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2017. — Т. 12. — № 3 (167). — С. 128–137.
6. Кобышев, В. Н. Гибридные войны: между мифом и реальностью / В. Н. Кобышев, А. А. Сергунин. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — Санкт-Петербург, 2019. — Т. 63. — № 12. — С. 110–114.
7. Кривко, М. А. Война XXI века: гибридная, информационная или «новая холодная»? К вопросу об использовании терминов / М. А. Кривко. — Текст : непосредственный // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2019. — № 3 (20). — С. 46–51.
8. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2008. — 1534 с. — Текст : непосредственный.
9. Литовченко, В. И. Классификация и систематизация терминов / В. И. Литовченко. — Текст : электронный // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. — 2006. — № 3. — С. 156–159. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifika-tsiya-i-sistematzatsiya-terminov> (дата обращения: 17.10.2023).
10. Николайчук, И. А. О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации / Николайчук И. А. — Текст : непосредственный // Проблемы национальной стратегии. — 2016. — № 3 (36). — С. 85–104.
11. Першин, Ю. Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация / Ю. Ю. Першин. — Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2015. — Т. 1 (67). — № 1. — С. 80–88.
12. Романова, В. А. Информационная составляющая гибридных войн современности / В. А. Романова. — Текст : непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 2. — С. 293–299.
13. Сазонова, К. Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение / К. Л. Сазонова. — Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 4. — С. 177–187.
14. Стародубцева, М. А. Гибридная война и цифровой терроризм: политологические термины в юриспруденции / М. А. Стародубцева. — Текст : непосредственный // Проблемы правовой и технической защиты информации. — 2022. — № 10. — С. 83–89.
15. Черепанов, А. Ю. Гибридные войны: реалии современной эпохи / А. Ю. Черепанов. — Текст : непосредственный //

Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 4 (167). — С. 517–519.

REFERENCES

1. Golovin, B.N., & Kobrin, R.Yu. (1987). *Lingvisticheckiye osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic foundations of the doctrine of terms]. Moscow: Vysshaya shkola, 105 p. (In Russ.)
2. Grinev-Grinevich, S.V. (2008). *Terminovedeniye* [Science about terminology]. Moscow: Akademiya, 304 p. (In Russ.)
3. Ivashchenko, M.A. (2021). K voprosu o ponyatii i priznakakh gibridnoy voyny [On the issue of the concept and signs of hybrid war]. *Rossiyskiy sledovatel'*, 12, 39–41. (In Russ.)
4. Karamova, A.A. (2023). Sredstva reprezentatsii bazovogo politicheskogo kontsepta «svoiy/chuzhoiy» (na materiale obrashcheniy V. V. Putina v svyazi so spetsial'noy voyennoy operatsiyey) [Means of representing the basic political concept “friend/foe” (based on V. V. Putin’s appeals in connection with a special military operation)]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(113), 75–85. (In Russ.)
5. Komleva, N.A. (2017). Gibridnaya voyna: sushchnost' i spetsifika [Hybrid war: essence and specificity]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki*, 3(167), 128–137. (In Russ.)
6. Konyshev, V.N. (2019). Gibridnyye voyny; mezhdumifom i real'nost'yu [Hybrid wars: between myth and reality]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 12, 110–114. (In Russ.)
7. Krivko, M.A. (2019). Voyna XXI veka: gibridnaya, informatsionnaya ili “novaya kholodnaya”? K voprosu ob ispol'zovanii terminov. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela*, 3(20), 46–51. (In Russ.)
8. Kuznetsov, S.A. (2008). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint, 1534 p. (In Russ.)
9. Litovchenko, V.I. (2006). Klassifikatsiya i sistematzatsiya terminov [Classification and systematization of terms]. In *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva*, 3, 156–159. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-sistematzatsiya-terminov> (In Russ.)
10. Nikolaychuk, I.A. (2016). O sushchnosti gibridnoy voyny v kontekste sovremennoy voyenno-politicheskoy situatsii [On the essence of hybrid war in the context of the modern military-political situation]. In *Problemy natsional'noy strategii*, 3(36), 85–104. (In Russ.)
11. Pershin, Yu. Yu. (2015). “Gibridnaya voyna” kak intellektual'naya provokatsiya [“Hybrid war” as an intellectual provocation]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 1, 80–88. (In Russ.)
12. Romanova, V.A. (2015). Informatsionnaya sostavlyayushchaya gibridnykh voyn sovremennosti [Information component of modern hybrid wars]. In *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski SKAGS*, 2, 293–299. (In Russ.)
13. Sazonova, K.L. (2017). “Gibridnaya voyna”: mezhdunarodno-pravovoye izmereniye [“Hybrid war”: international legal dimension]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 4, 177–187. (In Russ.)
14. Starodubtseva, M.A. (2022). Gibridnaya voyna i tsifrovoy terrorizm: politologicheskiye terminy v yurisprudentsii [Hybrid war and digital terrorism: political science terms in jurisprudence]. In *Problemy pravovoy i tekhnicheskoy zashchity informatsii*, 10, 83–89. (In Russ.)
15. Cherepanov, A.Yu. (2022). Gibridnyye voyny: realii sovremennoy epokhi [Hybrid wars: realities of the modern era]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 4(167), 517–519. (In Russ.)